

Литературные полемики как один из ключевых факторов развития русского литературного процесса первой четверти XIX века

Алена Тереховская

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра мировой литературы и сравнительного литературоведения,
Прикарпатский национальный университет имени Василя Стефаника
(Украина)

76005, г.Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57, e-mail:

olena.terekhovska@pu.if.ua

UDC:

ABSTRACT

Terekhovska Olena.

Статья посвящена изучению характерных особенностей русского литературного процесса первой четверти XIX века. Предметом научного внимания в ней явились полемики о развитии русского литературного языка, литературный дискурс: классицизм – романтизм и вопрос о жанровых приоритетах, в частности, спор об оде и элегии. В статье определено, что языковая полемика между «шишковистами»-архаистами и «карамзинистами»-новаторами – это лишь частное проявление концептуального расхождения во взглядах на будущее развитие русской культуры в целом и литературы как основной ее составляющей. Более того, за языковым вопросом стоят также принципиально разные общественно-политические и философско-эстетические убеждения полемизирующих сторон. Установлено также, что спор о языке во многом был обусловлен активно набравшим силу противостоянием между классицизмом и романтизмом, так как большинство архаистов были убежденными классицистами, а новаторы ратовали за развитие нового романтического искусства. Отчасти в плоскости споров о классицизме и романтизме развивалась жанровая полемика между одой и элегией, в которой, как известно, активное участие приняли А.С.Пушкин и В.К.Кюхельбекер (сторонники романтизма в этом споре). Пушкин был приверженцем элегии, тогда как Кюхельбекер отстаивал приоритет оды, называя ее первым лирическим жанром. По мнению Пушкина, ода – очень строгий и регламентированный жанр, а новому романтическому искусству более соответствует элегия. В статье установлено, что спор об оде и элегии является подтверждением того, что полемика из области «классицизм – романтизм» окончательно перешла в область романтического искусства и была следствием различных взглядов на природу и характер

романтизма. Это обусловило разделение русского романтизма на три основных течения – психологическое, гражданское и философское.

Ключевые слова: архаисты, новаторы, классицизм, романтизм, ода, элегия, психологический романтизм, гражданский романтизм, философский романтизм.

Стаття присвячена вивченню характерних особливостей російського літературного процесу першої чверті ХІХ століття. Предметом наукової уваги у ній стали полеміки щодо розвитку російської літературної мови, літературний дискурс: классицизм – романтизм і питання щодо жанрових пріоритетів, зокрема дискусії на предмет домінування оди чи елегії. У статті визначено, що мовна полеміка між «шишковістами»-архаїстами та «карамзіністами»-новаторами – це частковий прояв концептуальних розбіжностей у поглядах на майбутній розвиток російської культури у цілому та літератури як основної її складової. Більше того, за мовленєвим питанням стоять також принципово різні суспільно-політичні та філософсько-естетичні переконання полемізуючих сторін. З'ясовано також, що дискусія про мову була певною мірою обумовлена активно набираючим силу протистоянням між классицизмом і романтизмом, тому що більшість архаїстів були завзятими классицистами, а новатори виступали за розвиток нового романтичного мистецтва. Почасти в площині дискусії між классицизмом і романтизмом розвивалась жанрова полеміка між одою та елегією, у якій, зокрема, активну участь взяли О.С.Пушкін і В.К.Кюхельбекер (прихильники романтизму у цій дискусії). Пушкін був прибічником елегії, тоді як Кюхельбекер відстоював пріоритет оди, називаючи її першим ліричним жанром. На думку Пушкіна, ода – дуже строгий та регламентований жанр, а новому романтичному мистецтву більшою мірою відповідає елегія. У статті з'ясовано, що дискусія на предмет оди та елегії є підтвердженням того, що полеміка із площини «классицизм – романтизм» остаточно перейшла в площину романтичного мистецтва і була наслідком різних поглядів на природу і характер романтизму. Це зумовило поділ російського романтизму на три основні течії – психологічну, громадянську та філософську.

Ключові слова: архаїсти, новатори, классицизм, романтизм, ода, элегия, психологічний романтизм, громадянський романтизм, філософський романтизм.

Активизация общественно-политической и культурной жизни в России в начале ХІХ столетия оказала большое влияние на характер развития литературы. Литературное движение этого периода являло собой картину необычайно сложную и достаточно противоречивую. В это время еще выступали представители классицизма, довольно прочные позиции удерживали сентименталисты, печатали свои произведения писатели и поэты просветительского реализма и предромантизма. Начало 1810-х годов ознаменовалось бурным развитием

романтизма», а в конце рассматриваемого периода появились первые реалистические произведения («Евгений Онегин» и «Борис Годунов» А.С.Пушкина). При этом нельзя не отметить, что творчество целого ряда писателей и поэтов далеко не всегда укладывалось в рамки определенного направления, представляя собой иногда причудливую смесь различных методов.

Сложность литературного движения начала века не могла не вызвать активной полемики между отдельными литературными направлениями и группировками. Обычно суть литературного движения начала XIX века связывается с полемикой между «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом», причем участники «Беседы» традиционно воспринимаются как защитники устаревших классицистических догм, а «арзамасцы» как провозвестники романтизма, а вся полемика между ними истолковывалась как спор между классицизмом и романтизмом. Между тем, как показал Ю.Н.Тынянов в сборнике статей «Пушкин и его современники» [20], сводить программу «Беседы» только к классицизму было бы неверно. Опираясь на историко-литературную концепцию Ю.Н.Тынянова, и Ю.М.Лотман справедливо заметил, что «... идейно-эстетические истоки «Беседы» достаточно противоречивы и что их отношение к старине, проблеме народности в литературе, языку и жанрам основывалось на различных, порою противоположных, системах. В частности, рационалистическое мировосприятие, характерное для века Просвещения, и лежавшее в основе эстетической теории классицизма, было в основном чуждо сторонникам «Беседы». Теоретическим построениям рационалистов противопоставлялись священные традиции, обряды, прошлое» [10; с. 298].

Очевидно, полемика о языке на самом деле явилась отражением двух основных просветительских концепций: с одной стороны, последователи Руссо – архаисты-шишковисты, которые мыслили развитие человечества и его спасение только в возвращении к истокам, к природе, в попытке возрождения старинных обычаев и традиций. Здесь они видели источник высшей мудрости и опыта для человека. С другой стороны, последователи Дидро и Вольтера – карамзинисты, убежденные верователи в просвещение и человеческий прогресс. Все беды человеческого

существования они видели в недопросвещенности и полуграмотности. Девиз архаистов условно можно было бы определить как «Назад к истокам!», а новаторов – «Вперед к прогрессу!».

Расхождение по лингвистическому вопросу было лишь одним из аспектов куда более широкого спора – спора об идее исторического развития в русской культуре начала XIX века.

Сторонники Шишкова, отстаивая приоритет отечественных языковых традиций, по большому счету отстаивали просветительскую концепцию возвращения к природе, обычаям, старине. Полные противники каких-либо общественных перемен, реформ, нововведений, они видели единственным путем человеческого развития – путь по издавна сложившимся схемам и порядкам, путь, который создала сама Природа, путь, который человек не вправе и не в силах изменить.

Сторонники Карамзина защищали просветительскую концепцию веры во всестороннее образование и развитие, в человеческий прогресс. Языковые идеи Карамзина отражали его идеологические воззрения. Защитник просвещения и реформ Карамзин стоял на позициях преобразования и либерализации общества, на позициях поиска новых путей общественного образования и развития.

Просветителям-карамзинистам была враждебна мысль о том, что существующий порядок человеческих отношений разумен, а окружающий мир – «лучший из миров». Для «шишковистов» же характерно оправдание существующего порядка. Они всецело препятствовали проникновению в российскую культуру западноевропейских философских, литературных, эстетических и политических идей, опасаясь тем самым повторения в России «известных» событий (имеются в виду революционные события во Франции). Какие-либо теории о необходимости преобразования человека и действительности они считали опасными. В вопросе образования и воспитания они признавали только отечественную традицию. Вера в человеческий прогресс, естественно, отвергалась ими напрочь. Поэтому мировоззрение «шишковистов» правильнее было бы определить термином «традиционализм».

Для «карамзинистов» же главным оказывалось стремление воспитать человека всесторонне образованного, гармонично развитого. В своих исканиях они ориентировались на европейскую культуру, полагая, что для России единственно возможный путь развития – это путь ознакомления с европейским культурным опытом.

Они были убеждены, что мир грешен, что в нем царствует неправда. Однако причину этого следует искать в злой природе человека. Поэтому их эстетическая позиция зиждилась на требовании внутреннего перерождения и самовоспитания. Идея веры в человеческое совершенство, в поступательность человеческого развития является стержневым моментом их мировоззрения. И решающая роль в этом процессе принадлежит просвещению. Не случайно Карамзин подчеркивал общественное значение литературы и литератора. По его убеждению, уровень развития словесности есть показатель уровня просвещенности в целом; литература, в свою очередь, есть один из двигателей просвещения.

Очевидно, что полемика «шишковистов» и «карамзинистов» – это полемика о путях русского Просвещения в целом и о месте литературы в системе русской общественной жизни.

В спорах «шишковистов» с «карамзинистами» проявились радикальные расхождения в представлениях об идее исторического развития в русской культуре конца XVIII – начале XIX столетия. Так, языковые идеи Шишкова находились в очевидном соответствии с его основной концепцией истории. Согласно этой концепции, начальным состоянием нации были могущество и блеск, опирающиеся на чистоту нравов и верность традициям, а затем наступило время «порчи», падения, связанное с искажением основ народного характера. «Порча» языка непосредственно связывалась с утратой веры и разложением нравов.

Карамзин же рассматривал историю как процесс непрерывного поступательного движения. «История, по его мнению, – длительный путь восхождения народа по пути нравственного усовершенствования и одухотворения» [6; с. 645]. В сфере языка Карамзин отмечал «... закономерность перемен,

необходимых по естественному, беспрестанному движению живого слова к дальнейшему совершенству...» [6; с. 646].

Показательно, что практически все литераторы периода начала XIX века были вовлечены в эту полемику и условно разделены на сторонников Карамзина и Шишкова. Характерно, что это концептуальное разделение отразилось не только во взглядах на лингвистический вопрос, но и на вопрос о дальнейших путях литературного развития.

Характерно, что ведущие литературные деятели той эпохи были не только литераторами и литературными критиками, они одновременно выступали и философами, и общественными деятелями, и учеными. Показательно наблюдение В.Э.Вацуры: «В начале XIX в. меняется тип литератора. XVIII столетие знало литератора-философа, социолога, моралиста, для которого литература оставалась все же главным занятием (Фонвизин, Муравьев). Оживление социологической и философской мысли в начале александровского царствования приводит к появлению типа ученого, социолога, занимающегося литературной деятельностью» [4; 295] Очевидно, что спор из области философии, истории и политики перешел непосредственно в сферы художественного творчества и критики, где языковой вопрос был лишь частным вопросом, вытекающим из принципиально различных представлений о сути и назначении художественного творчества. Как показал Л.Г.Фризман, спор шел о «жгучих проблемах общественного и литературного развития преддекабрьской России» [21; с. 41].

Как было отмечено выше, в первой четверти XIX в., едва ли не самой острой была проблема романтизма. Уже тогда не было четкости в ее определении как на идейно-содержательном, формальном, так даже и на хронологическом уровнях.

Надлежало разобраться в сущности романтизма, выяснить его истоки и характерные черты. Собственно, вокруг этих вопросов и происходила полемика.

Одним из первых к проблеме романтизма обратился П.А.Вяземский в статье «О жизни и сочинениях Озерова» (1817). Здесь он впервые использовал термин «романтический» и сделал попытку обосновать его. Вяземский показал, что в основе романтического метода лежат национальный характер, нравы, обычаи, дух времени,

он настаивал на том, что «литература должна быть выражением характера и мнений народа» [5; с. 33]. Кроме того, по его мнению, сущность романтизма заключается в «протесте против обычаев, узаконений, авторитета, всего того, что входило в уложение так называемого классицизма» [5; с. 34]. Очевидно, что его определение романтизма во многом строилось на отрицании незыблемых эстетических догматов классицизма.

Суждения Вяземского вызвали возражения Пушкина (письмо Пушкина Вяземскому от 25 мая 1825 г.): «... все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме» [16; с. 309].

О.М.Сомов в статье «О романтической поэзии» (1823) рассуждал о сущности «новой школы нашей поэзии». Критик предлагал различать и не «смешивать классическую поэзию французов с классической поэзией древних греков и римлян», и в соответствии с этим предпочитал терминологически и по существу называть классической поэзией только поэзию древних. Романтической же поэзией он называл «новейшую поэзию, не основанную на мифологии древних», а основанную на оригинальных народных верованиях, нравах, обычаях». Сомов решительно выступал против жанрового однообразия, засилия в русской поэзии элегических мотивов: «Все роды стихотворений теперь слились почти в один элегический: везде унылые мечты, желание неизвестного, утомление жизнью, тоска по чем-то лучшем...» [9; с. 271]. Сомов был убежден в том, что ««...народу русскому, славному воинскими и гражданскими добродетелями, грозному силою и великодушному в победах, населяющему царство, обширнейшее в мире, богатое природою и воспоминаниями, – необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чужих» [9; с. 271].

По сути те же идеи содержатся и в статье В.К.Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»: «Да создастся для славы России поэзия истинно русская, да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники нашей словесности» [8; с. 458].

Кюхельбекер одним из первых сформулировал положение о новом романтическом герое – не байроническом, к которому он относился резко отрицательно. Истинный герой (как в жизни, так, соответственно, и в литературе), должен, по глубокому убеждению Кюхельбекера, не замыкаться на собственной лени и унынии, а заниматься проблемами общенациональной жизни. Именно в этом – в активном участии человека в решении насущных проблем национальной жизни видел Кюхельбекер возможность появления русской романтической поэзии. Иными словами, для Кюхельбекера истинный романтический герой не индивидуалист байронического толка, борющийся с судьбой и ищущий любыми путями возможностей для самоутверждения, а гражданин и патриот, готовый совершать подвиги ради отечества и народа, что включало в себя самоотречение, самоотверженность и готовность к самопожертвованию.

Особую позицию в спорах о классицизме и романтизме занимал К.Ф.Рылеев. Желая поставить точку в этом вопросе, в статье «Несколько мыслей о поэзии» он выступил с утверждением, что «на самом деле нет ни классической, ни романтической поэзии». Он снял противопоставление классицизм – романтизм, считая его внеисторическим (когда все лучшее в мировой литературе считалось романтическим, а худшее – классицистическим). Рылеев настаивал на ином критерии, выдвигая на первый план понятие об «истинной поэзии». Подлинная («истинная») поэзия всегда оригинальна и самобытна, и с этой точки зрения, считал Рылеев, Гомер и Эсхил также могут восприниматься как романтики [9; с. 218].

Важно отметить, что Кюхельбекер и Рылеев были активными участниками декабристского движения, Сомов принадлежал к околодекабристскому кругу, а, как справедливо отметила Е.Н.Купреянова, «...романтизм «декабристского толка» во многом блокировался с классицизмом, как с искусством, точнее – стилем высокого, общественного, патриотического звучания. В этом смысле, т.е. прежде всего по стилистической фактуре своего творчества, они были столько же романтиками, как и классиками» [7; с. 107]. Очевидно, что литераторы-декабристы, стремились использовать традиции классицизма в соответствии со своими целями и задачами.

Это убедительно показал Ю.Н.Тынянов в своих известных работах, объединенных в сборнике «Архаисты и новаторы» (1929).

Таким образом, споры о романтизме разгорались. Почти все литераторы были вовлечены в полемику о природе романтического искусства, о специфике романтического героя. Показательно, что одной из наиболее важных стала проблема поэтических жанров, которая вылилась в горячую полемику о жанровых приоритетах, в частности в спор об оде и элегии между А.С.Пушкиным и В.К.Кюхельбекером.

На первый взгляд, она находилась в плоскости споров о классицизме и романтизме, однако на самом деле всё было не так. Пушкин, как известно, надолго не примыкал ни к одному из литературных объединений и не сковывал себя никакими литературно-эстетическими рамками или ярлыками. Кюхельбекер принадлежал к лагерю поэтов-декабристов, и поэтому придерживался подчеркнуто гражданских воззрений.

«...Если есть идеи времени, то есть и формы времени», – писал Белинский [2; с. 276]. Каждая эпоха, каждый этап художественного развития выдвигают как новые идеи, так и соответствующую им совокупность художественных форм, в том числе – систему литературных жанров. Так, стремлению уйти от реальности в иной, уже несуществующий или вымышленный мир соответствовали жанры фантастической повести, лиро-эпической поэмы и, конечно, элегии. По справедливому замечанию Б.В.Томашевского, в начале XIX века «...именно элегия явилась средством выражения чувствований нового человека. Она предоставила широчайшие возможности для художественного исследования глубин человеческой души, тонких, неясных, противоречивых явлений эмоционального мира» [19; с. 119].

В первой половине 20-х годов XIX века судьба элегии стала предметом ожесточенной дискуссии. Кульминационным пунктом этой дискуссии явились споры вокруг статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824). Кюхельбекер стоял на страже высокой поэзии и именно поэтому теоретически и практически пытался воскресить оду.

Ода для Кюхельбекера – не просто один из жанров, это тенденция, направление, принцип поэтического повествования. В своей статье «О направлении нашей поэзии...» он дал свое определение оды и назвал ее первым лирическим жанром: «Над событиями ежедневными, над низким языком черни возвышается одна ода, а посему, без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии...» Противоположными характеристиками Кюхельбекер наделил жанры элегии, послания, гимна, баллады: «Элегия почти никогда не окрыляется, не ликует: она должна быть тиха и плавна, обдуманна... Удел элегии – умеренность, посредственность...», а гимн, послание, баллада, по его мнению, «ничтожностью самого предмета повествования налагают на гений оковы, гасят огонь вдохновения» [8; с. 454].

Принципиальным оппонентом Кюхельбекера по этому вопросу был Пушкин. Он не принимал жанровых предпочтений Кюхельбекера. В приложении к заметке «Возражение на статьи В.Кюхельбекера в «Мнемозине» О вдохновении и восторге» Пушкин писал: «Ода стоит на низших ступенях... Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого... Трагедия, поэма, сатира – все более ее требуют творчества (*fantasie*), воображения – гениального знания природы» [18; 40]. Пушкин видел, что элегия и послание должны на время уступить первенство другим литературным формам: трагедии, комедии, сатире, но первенство оды им никак не принималось. По мнению поэта, жанр оды слишком регламентирован, он очень строг и сковывает поэтическое воображение. Пушкин чувствовал, что ода – это уже анахронизм. Более того, поэт отметил, что Кюхельбекер до некоторой степени сам себе противоречил: с одной стороны, он отстаивал преимущества романтической поэзии, защищал «свободу, изобретение и новость», а с другой – доказывал первостепенную важность оды как основного лирического жанра и в начале XIX века.

Таким образом, в суждениях об оде и элегии Пушкин и Кюхельбекер разошлись. Кюхельбекер как приверженец гражданского романтизма, архаист продолжал творить в заданном гражданскими романтиками формате высокого предназначения литературы, а Пушкин – не принимавший никаких творческих

регламентаций, стремительно эволюционировал, тонко чувствуя и предугадывая дальнейшие пути литературного развития.

Кроме того, спор об оде и элегии явился наглядным подтверждением того, что полемика из области «классицизм – романтизм» окончательно перешла в область романтического искусства и была следствием различных взглядов на природу и характер романтизма. Это, в конечном счете, вылилось в разделение русского романтизма на три основных течения – психологическое, гражданское и философское.

Литература:

1. Архипова А.В. Из литературной полемики 1820-х годов (В. Кюхельбекер («архаисты» и «новаторы») / А.В.Архипова // Русс. лит. – 1960. – № 3. – С. 42-59.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т.1. / В.Г.Белинский – М., 1955. – 456 с.
3. Бент М. Течения или этапы? Еще раз о единстве романтизма / М.Бент // Вопр. лит. – 1990. – № 12. – С. 218-231.
4. Вацуро В. Э. Заметки к теме «Пушкин и «Арзамас». /В.Э.Вацуро // Нов. лит. обзор. – 2000 – № 42. – С. 150-160.
5. Вяземский П.А. Сочинения: В 2-х т. – Т. 2. / П.А.Вяземский – М.: Худож. лит., 1982.
6. Карамзин Н.М. Сочинения: В 3-х т. – Т.3. Статьи. Письма. / Н.М.Карамзин – Л.: Худож лит., 1984.
7. Купреянова Е.Н. Французская революция 1789-1794 годов и борьба направлений в русской литературе первой четверти XIX века / Е.Н.Купреянова // Русс. лит. – 1978. – № 2. – С. 87-107.
8. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. / В.К.Кюхельбекер – М.: Наука. – 1979. – 790 с.
9. Литературно-критические работы декабристов. – М.: Худож. лит., 1978. – 276 с.
10. Лотман Ю., Успенский Б. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры / Ю.Лотман, Б.Успенский // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – 975. – Вып. 358. – С. 168-254.
11. Маймин Е.А. О русском романтизме. / Е.А.Маймин Е.А. – М., 1995.
12. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. / Ю.В.Манн – М., 2004.
13. Наливайко Д. Романтизм как эстетическая система / Д.Наливайко // Вопр. лит. – 1982. – № 11. – С. 156-194.
14. Проскурин О. Две модели литературной эволюции: Ю.Н.Тынянов и В.Э.Вацуро / Проскурин О. // Нов. лит. обзор. – 2000. – № 42. – С. 63-77.
15. Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. / О.Проскурин – М.: ОГИ, 2000. – 350 с.
16. Пушкин А.С. Собрание соч.: В 10 т. – Т.7. Литературно-критические статьи.

Письма. / А.С.Пушкин – Москва.: Наука., 1964.

17. Тереховская А.В. Карамзин и Шишков: два пути развития словесности / А.В.Тереховская // Научные записки ХНПУ им. Г.С.Сковороди. Литературоведение. – Вып.2 (54). – Ч. 1. – Харьков: ППВ Новое лово, 2009. – С. 31–36.

18. Тереховская А.В. Литературная полемика первой четверти XIX века в историко-литературной концепции Ю.Н.Тынянова: к научным спорам об истории русского романтизма / А.В.Тереховская //Научные записки ХНПУ им. Г.С.Сковороди. Литературоведение. – Вып.2 (54). – Ч. 1. – Харьков: ППВ Новое слово, 2009. – С. 31– 36.

19.Томашевский Б. В. Пушкин. – Кн. I. / Б.В.Томашевский – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 472 с.

20.Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. / Ю.Н.Тынянов – М., 1969. – 326 с.

21.Фризман Л.Г. Семинарий по Пушкину. / Л.Г.Фризман – Изд-во: Энграм, Харьков, 1995. – 367 с.